Международные процессы, Том 14, № 2, сс. 141–162
DOI 10.17994/IT.2016.14.2.45/11

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ГРУЗИИ

НОДАР МОСАКИ
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Резюме

В постсоветские годы Грузия рассматривала Россию в качестве препятствия на пути решении своих национальных задач, а отношения между двумя странами временами приобретали характер конфронтации. Тенденция к серьезному ухудшению отношений стала особенно отчётливой в период правления М. Саакашвили. Неотъемлемой частью внешней политики была подчёркнуто прозападная ориентация. Автор статьи, признавая фундаментальное значение политических противоречий между странами, стремится углубить понимание внешней политики Тбилиси посредством изучения различий в личностных характеристиках высокопоставленных дипломатов Грузии и России. Статья построена на анализе обширного эмпирического материала. Рассматриваются демографические, образовательные и профессиональные особенности заместителей министров иностранных дел, чрезвычайных и полномочных послов и постоянных представителей при международных организациях. В основе исследования лежит гипотеза, согласно которой они играют хотя и второстепенную, но заметную роль, в действительности отягчая российско-грузинское взаимодействие.

В статье предлагается рассматривать внешнюю политику Грузии в контексте процессов, формирующих её властную элиту. В частности, обучение и длительные стажировки в западных вузах, в образовательных и иных структурах НАТО; работа в фондах и неправительственных организациях атлантистской направленности; возрастные, поколенческие и другие характеристики грузинских дипломатов, а также принципы формирования кадрового состава МИД Грузии. Все это существенным образом отражает и подкрепляет внешнеполитический курс страны, обеспечивая институционализацию ее прозападной ориентации. С учетом значимости дипломатической службы для достижения как государственных целей, так и частных задач команды М. Саакашвили, ставка на изменение ее кадрового состава стала сознательным выбором политического руководства страны. Произошедшая трансформация схожа с тенденциями развития внешнеполитических ведомств в Центральной и Восточной Европе после распада Советского Союза. Новая модель рекрутирования и ротации дипломатической элиты Грузии к настоящему моменту сложилась. Выделенные персональные особенности ее представителей способствуют сохранению преемственности грузинской дипломатии, несмотря на смену правительства в Тбилиси и обвинения, выдвинутые новыми руководителями в отношении предыдущих руководителей.

Ключевые слова:

российско-грузинские отношения; дипломатическая элита Грузии; внешняя политика Грузии; МИД Грузии; профессиональная социализация.

Высший дипломатический состав играет важнейшую роль в проведении внешней политики государства [Ашин 2002: 125], олицетворяя ее в глазах зарубежной аудитории. При этом формирование дипломатической элиты (костяк которой составляют чрезвы-

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: nodarmossaki@gmail.ru

чайные и полномочные послы и постоянные представители при международных организациях) осуществляется по-разному в зависимости от страны. Хотя высшие дипломатические представители отвечают в первую очередь за реализацию государственного курса, а не за его выработку, они на деле становятся одним из основных звеньев процесса формирования внешней политики. С этой точки зрения изучение качественных характеристик посольского корпуса, а также анализ различных аспектов образования и ротации дипломатической элиты, может иметь принципиальное значение для построения целостной картины формулирования и осуществления внешнеполитического курса конкретной страны.

Современная история внешней политики государств, образовавшихся после распада Советского Союза, насчитывает около 25 лет. Лишь Россия, как государство-продолжатель СССР, получила полноценную «дипломатическую инфраструктуру», включая здания с советского МИД, кадры и вузы, готовящие дипломатов (не считая факультет международных отношений и международного права при Киевском государственном университете /КГУ/, преобразованный в 1988 г. в институт при КГУ[1]). Механизм формирования кадрового состава дипломатических ведомств других советских республик предстояло отстраивать с нуля.

Хотя в административном аппарате Республик с 1944 г. существовали внешнеполитические ведомства (в 1944–1946 годах – НКИД, с 1946 г. – МИД), а Украинская ССР и Белорусская ССР даже являлись членами ООН, полноценных дипломатических служб и представительств у них не было – «самостоятельностью в международных отношениях советские союзные республики в действительности не обладали, объявленные [...] полномочия в отношении Украины и Белоруссии фактически носили частично декларативный, а в отношении остальных союзных республик по существу декорационный характер» [Кремнев 2009: 38; см. также Aspaturian 1959]. Соответственно, за исключением постпредов Украины и Белоруссии в ООН, у союзных республик отсутствовал и собственный корпус опытных дипломатов. Их министры иностранных дел, как правило, не имели никакого отношения к проблемам внешней политики, являясь партийными и/или хозяйственными руководителями, нередко даже совмещая этот пост с другими должностями.

Формирование посольского корпуса стран бывшего СССР происходило в сжатые сроки. Сегодня их дипломатические службы можно считать полноценно сформированными, что позволяет подвергнуть разностороннему анализу их кадровый состав. В статье на основе количественного и качественного обследования высшего дипломатического персонала Грузии (послов и заместителей министра иностранных дел) выделяются закономерности кадрового обеспечения МИД страны, что позволяет понять принципы рекрутирования кадров для национальной дипломатической системы.

1

Власти Грузии с момента обретения независимости активно придерживались прозападного внешнеполитического курса, стремясь войти в евроатлантические структуры, в том числе военно-политического характера [Красноселов 2003; Гушер 2000]. Это позволяло зарубежным исследователям задолго до прихода к власти М. Саакашвили заявлять, что Москва не сможет нейтрализовать все более громкую антироссийскую риторику Тбилиси [Cornell 2001: 353]. Прозападный выбор Грузия сделала ещё до «революции роз», хотя в период правления Э. Шеварднадзе его необратимость ставилась под сомнение. Ожидалось, что окончательно стратегическая ориентация страны сложится только после прихода его преемника на посту президента [см., например: Rondeli 2001: 211].

Но, конечно, особенно отчетливо прозападный курс, утверждение «европейскости»

[1] В Тбилисском государственном университете (ТГУ) подготовка по специальности «международные отношения» началась в 1991 году.

Грузии [Jones, Kakhishvili 2013: 24] и «перманентное и демонстративное игнорирование интересов России» грузинскими властями [Tsintsadze 2012: 5] наблюдались с периода правления М. Саакашвили. Его политика сближения с евроатлантическими структурами либо находила широкую общественную поддержку, либо практически не имела противников среди других политических сил страны [Gachechiladze 2005]. Команда М. Саакашвили позиционировала Грузию в качестве страны, имеющей с Москвой принципиальные разногласия[2], и пыталась сбалансировать противоречия на российском направлении интенсификацией отношений с США и странами ЕС [Gvalia 2013: 69, 115]. Она активно отвергала любые попытки выстраивания преференциальных отношений на постсоветском пространстве под эгидой России [Мегатренды 2013: 381].

Объяснение внешней политики Грузии и её прозападной ориентации требует понимания национальной политической культуры. В числе вопросов, подлежащих анализу, выделяется воздействие образования на лиц, принимающих решения в области внешней политики [Jones 2004: 84]. Настоящая статья частично восполняет этот пробел в эмпирических исследованиях грузинской дипломатической элиты, опираясь на общую логику рекрутирования властей страны, обоснованную в нашем более раннем исследовании [Мосаки 2015].Приоритетная роль внешней политики для официального Тбилиси обусловлена ее использованием в качестве одного из основных инструментов утверждения легитимности новой элиты и идентичности нового государства [Jones 2004: 85].

После распада Советского Союза вновь образовавшиеся государства нередко обращали свои взоры к сотрудникам МИД СССР соответствующих национальностей[3], а также к представителям диаспоры. В феврале 1992 г. руководство Военного совета Грузии, свергнувшего президента З. Гамсахурдия, пригласило возглавить, а фактически создать дипломатическую службу известного советского специалиста, посла СССР/России в Нидерландах А. Чикваидзе[4]. Тем не менее на важнейшие посты в руководстве МИД, а также послами независимой Грузии на главных направлениях в связи с отсутствием карьерных дипломатов в 1993–1994 годах нередко назначались выходцы из других сфер деятельности, в том числе учёные[5].

[2]Здесь и далее эти положения, а также термины «прозападный», «антироссийский» и т.п., употребляются в нейтральном смысле, без какой-либо политической нагрузки. В статье не оценивается и не рассматривается внешняя политика Грузии с точки зрения правомерности её позиции по отношению к России.

[3]Например, сразу же после распада СССР министр иностранных дел Белоруссии П.К. Кравченко запросил из МИД СССР сведения обо всех советских дипломатах белорусского происхождения или родившихся в БССР, убеждая их вернуться и поступить на дипломатическую службу на родине [Лазоркина 2014: 29–30].

[4]А. Чикваидзе также не представляет собой пример классического дипломата. Начав комсомольскую карьеру после окончания юридического факультета МГУ, благодаря изучению иностранных языков, он был направлен на дипломатическую службу, время от времени возвращаясь к партийной и даже хозяйственной работе.

[5]Первым послом в США и постпредом в ООН (с 1994 г. лишь постпред в ООН) стал бывший сотрудник следственных органов и партийный работник Петрэ (Зураб) Беридзе, являвшийся в период правления Гамсахурдиа «представителем Грузии в России», во Франции – доктор технических наук ректор Грузинского технического университета Гоча Чоговадзе (окончил аспирантуру МХТИ им. Д.И. Менделеева), в Германии – востоковед по образованию, к концу советского периода ставший заместителем министра образования Грузии, в независимой Грузии – депутат парламента, мэр Тбилиси, Котэ Габашвили (в 2008–2013 годах являлся послом в Италии), в России – доктор экономических наук проф. Валериан Адвадзе (после отставки вернулся на работу во Всероссийский заочный финансово-экономический институт). В Армении послом стал учёный-арменолог и партийный деятель Григол Барамидзе, в Турции – учёный-турколог Нодар Комахидзе. Лишь первым послом на Украине (в 1994 г.) был назначен человек с образованием в области международных отношений – Валерий Чечелашвили, окончивший в 1983 г. Киевский государственный университет по специальности международные экономические отношения (в 2004–2005 годах являлся послом в России).

В первоначальный период организации грузинского внешнеполитического ведомства не хватало системности. В некоторых странах грузинские представители оставались на своих постах по 10 лет (например, в ФРГ, Франции), в то же время в других странах (как, например, в России и в несколько меньшей степени в США) послы менялись часто. Нередко вокруг них разворачивались скандалы, были даже случаи увольнения посла по требованию парламента в связи с «профессиональной непригодностью», «некомпетентностью» и ввиду «преследования личных интересов» (например, посла в Италии Б. Таварткиладзе). Ряд послов избежали увольнения, однако их репутация пострадала в результате обвинений в использовании служебного положения в корыстных целях (в том числе в отношении уже упоминавшегося посла в Греции А. Чикваидзе)[6]. По сути в 1990-х годах в Грузии так и не сложился механизм назначения и ротации высших представителей за рубежом.

Приход к власти М. Саакашвили знаменовал резкий отход от прошлого во многих областях жизни, что требовало ускорения смены кадрового состава в государственном аппарате. По сути же этот процесс начался еще раньше – со второй половины 1990-х годов.

При изучении структуры внешнеполитического аппарата страны следует учитывать, что в Грузии с 2004 г. действуют два ведомства, отвечающие за международное сотрудничество, – МИД и аппарат государственного министра по *вопросам интеграции в европейские и евроатлантические структуры* (ВИвЕиЕаС). Последний был сформирован после «революции роз». В декабре 2003 г. заместителем государственного секретаря (премьер-министра) Грузии по вопросам евроинтеграции была назначена заместитель министра иностранных дел Т. Беручашвили. В феврале 2004 г. она получила должность госминистра по вопросам евроинтеграции, которая была введена в новом правительстве, а в марте того же года был сформирован соответствующий аппарат [K'ap'anadze 2009].

В декабре 2004 года этот пост был преобразован в «госминистра по ВИвЕиЕаС»; его занял Георгий Барамидзе. Целью создания новых структур стало «углубление сотрудничества Грузии с Евросоюзом и НАТО, содействие политической, правовой, военной, экономической и культурной интеграции» страны в евроатлантические организации[7]. В августе 2012 г. Георгия Барамидзе сменил Торникэ Гордадзе, занимавший до этого пост замглавы МИД Грузии. После поражения партии М. Саакашвили «Единое национальное движение» (ЕНД) на парламентских выборах в октябре 2012 г. новым госминистром по ВИвЕиЕаС был назначен опытный дипломат, бывший посол Грузии в Туркмении и Афганистане Алекси Петриашвили, который позже подал в отставку в связи с выходом партии «Свободные демократы» Ираклия Аласания из коалиции «Грузинская мечта» (ГМ). В ноябре 2014 г. министром стал посол Грузии в Греции и Сербии Давид Бакрадзе.

Но даже в отношении стран и структур евроатлантического пространства, не говоря о всех остальных странах, за реализацию внешнеполитической стратегии Грузии в основном отвечает МИД. Госминистр по ВИвЕиЕаС и его небольшой аппарат (около 30 человек) лишь частично обеспечивают контакты с НАТО и ЕС. В самом МИД страны также имеются два департамента, которые, исходя из названия, дублируют задачи аппарата по ВИвЕиЕаС – Департамент политики безопасности и евроатлантической интеграции и Департамент евроинтеграции.

Политический вес госминистра по ВИвЕиЕаС существенно ниже, чем у главы МИД. По аппаратному значению он соответствует заместителю (или первому заме-

[6]См. комментарий Т.Чиковани передачи Радио Свобода на грузинском языке от 15.06.2015. URL: http://www.radiotavisupleba.ge/content/article/1521428.html.

[7]ap'arat'isist'oria [История аппарата] // Официальный сайт аппарата государственного министра Грузии по вопросам ИЕЕС. – URL:http://www.eu-nato.gov.ge/ge/structure/history

стителю) министра иностранных дел, однако в связи с желанием руководства Грузии подчеркнуть внешнеполитические приоритеты страны ему присвоен ранг министра. Аппарат госминистра по ВИвЕиЕаС напоминает действовавшее в 1998–2000 годах Министерство Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, которым руководили опытные дипломаты Б.Н.Пастухов и Л.В. Драчевский.

Частично внешнеполитические функции берут на себя также Совет национальной безопасности и аппарат президента (ныне – премьер-министра). Важную роль играет министерство обороны. Однако монополию на собственно дипломатическую деятельность, безусловно, удерживает МИД.

Власти страны подчеркивают ключевую роль грузинской дипломатии в контексте прозападной переориентации Тбилиси. Высокая дипломатическая активность стала для Грузии «важным инструментом решения внешнеполитических задач» [Современная мировая политика 2010: 245], давая ей возможность быть востребованной на региональном уровне. Она вписывается в контекст американской политики и частично её союзников в Закавказье и в соседних регионах. Вместе с тем проводимая политика связана с вовлеченностью страны в конфликты, которые можно уладить только на основе использования политико-дипломатических методов. Трудно представить, что Грузия военным путём может решить стоящие перед ней проблемы. Их преодоление относится к сфере почти исключительной ответственности грузинской дипломатии.

В настоящей работе проанализированы биографии заместителей министра иностранных дел, чрезвычайных и полномочных послов Грузии и постоянных представителей при ООН (представительство в Женеве) и НАТО с 2010 г. до середины 2015 года. Использованные данные были собраны из открытых источников, в первую очередь на сайте МИД Грузии и ее дипломатических представительств главным образом на грузинском языке. Всего изучены биографии 96 человек, из них – 15 заместителей министра иностранных дел и 81 посла (здесь и далее – включая постпредов)[8]. Из их числа по состоянию на июнь 2015 г. сохранили свои посты 20 человек, возглавили посольства в других странах – 8, 1 посол получил пост государственного министра (по ВИвЕиЕаС). После прихода к власти коалиции «Грузинская мечта» (ГМ) были назначены 30 новых послов. Данные по полу и возрасту имеются по 84 дипломатическим представителям. Таким образом, проанализированы данные по всем заместителям министра иностранных дел и, за несколькими исключениями, всего посольского корпуса за рассматриваемый период.

По состоянию на середину 2015 г. Грузия имела дипмиссии в 125 странах (не считая секции интересов Грузии в посольстве Швейцарии в России)[9], однако в связи с тем, что ряд послов представляли Грузию одновременно в нескольких странах, а в некоторых государствах ее представляли временные поверенные, количество послов составляло 59 человек. Общая численность дипкорпуса Грузии за рубежом – свыше 350 специалистов.

Хронологические рамки статьи охватывают последние два года нахождения у власти ЕНД, а также более двух с половиной лет правления партии «Грузинская мечта», которая пришла на смену ЕНД на волне критики М. Саакашвили. В рассматриваемый период Грузия уже имела сильные государственные институты, в том числе сформированную дипломатическую службу, что позволяет предполагать устойчивость сделанных выводов о ее характеристиках.

[8]В рассматриваемый период один человек являлся одновременно заместителем министра иностранных дел и послом (Александр Налбандов). Он учтён в обеих группах.

[9]Рассчитано по: sakartvelosmisiebisazghvargaret [Миссии Грузии за рубежом] // http://www.mfa.gov.ge/MainNav/EmbassiesRepresentations/GeorgianMissionsAbroad.aspx[12.06.2015].

2

В большинстве случаев грузинские высокопоставленные дипломаты молоды по меркам внешнеполитических ведомств других стран. Средний возраст заместителей министров иностранных дел составлял около 40 лет[10]. Самому младшему во время назначения было 30 лет (ещё двум было по 31 году), старшему – 55, что соответствует среднему возрасту назначении на должность нынешних 10 заместителей министра иностранных дел России. Подобное положение укладывается в общую практику назначения на высокие государственные должности в Грузии преимущественно молодых кандидатов. Определённую роль сыграло и то, что в Грузии, за редким исключением, не было кадров с большим опытом дипломатической работы.

Средний возраст послов в период правления ЕНД составлял около 44 лет, при этом наиболее молодому послу было 29 лет. Несколько человек были назначены послами в возрасте 31–35 лет. Средний возраст вновь назначенных послов после прихода к власти ГМ – 49 лет.

Таблица 1
Возрастная структура высших дипломатических кадров России и Грузии (%)

Годы рождения	Грузия	Россия
1940–1944	1,0	1,2
1945–1949	1,0	29,8
1950–1954	9,1	36,1
1955–1959	14,1	20,8
1960-1964	15,2	11,4
1965–1969	17,2	0,8
1970–1974	22,2	0,0
1975–1979	16,2	0,0
1980–1981	4,0	0,0
ИТОГО	100,0	100,0

Составлено автором (по Грузии общая выборка – 99 дипломатов, по России – 255)

Не удивительно, что наблюдается существенный поколенческий разрыв между грузинскими дипломатами высшего звена и их российскими коллегами, который, учитывая особенности формирования российского и грузинского дипломатических корпусов, с течением времени будет только усиливаться. Среди первых 42% родились в 1970 году или позже, закончив вуз уже после распада СССР. Среди их российских коллег столь молодые специалисты практически отсутствуют.

Российский высший дипкорпус (здесь и далее – лица, занимавшие посты послов и заместителей главы МИД с середины 2010 г. до середины 2015 года) в подавляющем большинстве представлен лицами, родившимися до 1960 года (88%). Доля родившихся в 1960-х годах составляет 11,5%. Учитывая традиции российской дипломатии, черпающей кадровые ресурсы из внутренних резервов, можно утверждать, что возрастные изменения в посольском корпусе страны будут происходить медленно. Поколение 1960-х годов станет выходить на первый план только через 10 лет, когда подавляющее большинство представителей грузинской дипломатической элиты будет представлено людьми 1970 года рождения.

К тому же, учитывая тенденции в кадровом обеспечении грузинской власти, можно ожидать ускоренного омоложения ее дипломатии. Через 10 лет высшие дипломатические работники Грузии будут частично включать в себя лиц, родившихся после распада Советского Союза. В то же время на высоких постах российской дипломатии по-прежнему будут преобладать те, кто в советское время уже успел закончить вуз.

Доля женщин на высших должностях грузинской дипломатии достаточно высока, особенно по сравнению с Россией. Из 15 заместителей министра Грузии трое –

[10]Здесь и далее возраст рассчитан исходя из возраста назначения в рассматриваемый период (2010–2015). Однако следует учитывать, что многие из анализируемых лиц уже занимали аналогичные высшие посты в предшествующие периоды. Если брать возраст первого назначения на высокие посты, то он будет ещё ниже. Например, Тамар Беручашвили была назначена заместителем министра иностранных дел в освещаемый период в апреле 2013 года, однако впервые пост заместителя главы МИД Грузии она получила в 2000 году. То же самое касается послов.

женщины, в России в настоящее время аналогичные посты занимают только мужчины, и даже в предыдущие периоды такого рода исключения были большой редкостью (Э. Митрофанова, в прошлом первый заместитель министра иностранных дел России, в настоящее время – постоянный представитель РФ при ЮНЕСКО).

В Грузии из 54 послов в 2010–2012 годах было пятеро женщин. Среди них две иностранки, получившие гражданство незадолго до своего назначения послами Грузии. Одна – посол в ФРГ в 2009–2012 годах Габриэла фон Габсбург – внучка последнего австрийского императора Карла I, которая поселилась в Грузии в 2001 г. и поддержала «революцию роз». Послом в Ватикане в 2005–2014 годах являлась родившаяся во Франции Кетеван Багратиони-Мухранбатони, происходящая из грузинского царского рода Багратионов. После окончания правления команды М. Саакашвили пост посла сохранила одна женщина – Екатерина Майеринг-Микадзе, ранее являвшаяся руководителем миссии в Кувейте, а также Саудовской Аравии (первый посол-женщина в этой стране), Бахрейне, Катаре, Омане, ОАЭ (с резиденцией в Кувейте). С ноября 2012 г. она стала послом в Катаре.

Из 30 человек, назначенных послами после прихода к власти ГМ, пятеро женщин – в Ватикане, Эстонии, Бельгии (также в Люксембурге), Литве, Франции (также в Монако и при ЮНЕСКО). По состоянию на июнь 2015 г. шесть женщин возглавляли посольства Грузии за рубежом. Таким образом, из 99 грузинских дипломатов высшего ранга в 2010–2015 годах (в отношении которых имелись сведения) 13 были женщинами. Более того, за период после 2004 года) в Грузии четыре министра иностранных дел были женщинами, поэтому их назначение на высшие дипломатические посты уже не вызывает удивления.

Для сравнения: в 1922–2015 годах в СССР/России в должности послов (постпредов) и заместителей иностранных дел работали лишь 8 женщин, при этом дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла был присвоен лишь пятерым из них. В России пока нет случаев присвоения ранга Чрезвычайного и Полномочного посла женщинам – карьерным дипломатам [Зонова 2009: 96–97]. Подобное положение отличает ее не только от стран Запада [Wright 2005], но и от некоторых стран Востока с мусульманским населением [Зонова 2009: 96–97].

Выдвижение на высшие дипломатически посты в Грузии несколько отличается от российской практики. В соответствии с последней, представительства за рубежом возглавляют в большинстве случаев карьерные дипломаты, то есть лица, окончившие профильный вуз, начавшие службу с низших должностей в системе МИД и продвигающиеся по службе постепенно. Хотя в СССР существовала практика назначения на высшие должности в министерстве партийных и политических деятелей, и в постсоветский период она отчасти сохраняется, подавляющее большинство представителей дипломатического состава, прошли практически все уровни ведомственной иерархии.

Из 15 заместителей министра иностранных дел Грузии, работавших в изучаемый период, шесть пребывали в этой должности в последние два года правления ЕНД, семь из них были сменены после прихода к власти ГМ. Один из заместителей министра, Д. Джалагания, назначенный при М. Саакашвили в 2008 году, сохранил свой пост. Заместитель министра Т. Беручашвили в правительстве ГМ впоследствии получила пост главы МИД, при этом следует отметить, что она была заместителем руководителя внешнеполитического ведомства ещё в период правления Э.Шеварднадзе (2000–2003 годах). Еще ранее она занимала должность министра торговли и внешнеэкономических связей, куда пришла также заместителем министра сразу же после окончания Университета шт. Индиана и стажировки в Центре стратегических и международных исследований (Вашингтон). После прихода к власти ЕНД Т. Беручашвили сохранила высокие позиции в правительственной иерархии стра-

ны, будучи госминистром (2004) и заместителем госминистра по вопросам интеграции в европейские и евроатлантические структуры (2004–2010, 2012–2013).

Ни один из руководителей МИД Грузии в 2010–2012 годах не построил классической дипломатической карьеры. На должность заместителя министра иностранных дел назначались:

– работники аппарата парламента с юридическим образованием;

– бывшие заместители министра из другого министерства;

– главный бухгалтер;

– представитель крупной корпорации;

– директора департаментов МИД (при этом один человек начал работать во внешнеполитическом ведомстве в 24 года сразу в должности заместителя директора департамента, а другой пришёл в МИД на должность начальника управления из аппарата ведомства «Народный защитник» – аналог аппарата российского Уполномоченного по правам человека;

– из научной организации при МИД одной из западных стран.

После прихода к власти коалиции ГМ из семи назначенных заместителей министра карьерными дипломатами были четверо. При этом один заместитель министра – выходец из кредитно-финансовых органов, другой – работал юристом в различных коммерческих организациях.

Похожая ситуация наблюдается при анализе биографий грузинских послов. Карьерными дипломатами является значительная их часть, но, правда, не подавляющая. *Будущие послы попадали на работу в МИД самыми разными путями, однако наиболее часто это происходило после обучения (или проведения научных исследований) за рубежом и в представительствах западных организаций.* Кроме того, будущие дипломаты имели опыт работы в различных государственных учреждениях (включая нахождение на высших постах). Среди грузинских послов в 2010–2015 годах – бывшие премьер-министр, пять министров (один из них занимал также пост председателя Верховного суда), пять заместителей министра иностранных дел (включая бывшего министра госимущества). Грузинские послы до поступления на дипслужбу работали судьями, журналистами, депутатами, юристами, имели собственный бизнес.

Трудно выделить общие закономерности в особенностях профессионального стажа дипломатов до назначения на должность посла. Средний срок предшествующей трудовой занятости – 10 лет, при этом нередко грузинские послы исполняли свои обязанности довольно короткое время, хотя в последние годы подобное встречается всё реже. Наибольший стаж работы в МИД Грузии имеет нынешний посол Грузии в Португалии Г. Горгиладзе – с 1977 года. Он проработал в МИД Грузии (правда, в советское время – в основном переводчиком) и на различных должностях, связанных с внешней политикой (включая работу помощником и главой службы протокола президента Грузии) более 30 лет.

В этом смысле профессиональный опыт высокопоставленных дипломатов Грузии существенно отличается от карьерных путей не только их российских коллег, но и других стран. Так, средний дипломатический стаж швейцарских руководителей дипломатических миссий составляет 20 лет [Geissbühler 2002: 82]. В какой-то степени специфика Грузии обусловлена лишь недавно окончательно сформированным (после прихода к власти М. Саакашвили) внешнеполитическим вектором, что привело к необходимости создания новых практик кадрового обеспечения. В дипломатической службе Грузии модель кадрового дипломата к настоящему моменту так и не стала доминирующей.

3

13 из 15 заместителей главы МИД первое высшее образование получили в Грузии. Девять из них окончили Тбилисский государственный университет (ТГУ) – трое по специальности «международные отношения», остальные имеют диплом юриста, историка, филолога-русиста, экономиста, географа, правоведа-международника. Трое окончили Грузинский политехниче-

ский институт (ГПИ, с 1991 г. – Грузинский технический университет – ГТУ). Двое из них окончили этот вуз еще в советское время, продолжили обучение в аспирантуре и защитили диссертации на соискание учёной степени кандидата технических наук (один из них, работая в МИД, получил степень доктора технических наук). Один заместитель министра закончил юридическое отделение уже после распада СССР. Еще один заместитель руководителя дипломатического ведомства окончил государственный экономический вуз, впоследствии присоединённый к ТГУ.

Два заместителя получили высшее образование за пределами Грузии – Т. Беручашвили в советский период обучалась в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы в Москве, получив две специальности – химика и переводчика с французского языка. Торникэ Гордадзе, начиная с последнего года обучения в лицее (средней школе), учился во Франции, окончив Институт политических наук в Бордо, Институт политических наук в Париже (Sciences Po, Paris) и защитил там же докторскую (аналогичную кандидатской степени в России) диссертацию, пройдя в период обучения в аспирантуре годовую научную стажировку в Йельском университете.

Доля лиц, обучавшихся на Западе[11], среди грузинских дипломатов высшего звена весьма значительна. Из 14 человек, получивших первое высшее образование не в западных странах, пятеро продолжали обучение в них на магистерских программах – в университетах Великобритании, США, Германии. Особое место в подготовке грузинских дипломатов занимает Центрально-Европейский университет в Будапеште, открытый после распада Организации Варшавского договора и Советского Союза. Преподавание гуманитарных, социальных и политических наук с самого начала велось в нем по западным стандартам.

Один диппредставитель Грузии прошёл годичную стажировку в Центрально-Европейском университете по программе ООН в области прав человека. Двое являлись слушателями курсов НАТО – один закончил Колледж обороны НАТО в Риме и 3-х-месячные курсы Европейского центра исследований безопасности Колледжа стратегических исследований и оборонной экономики им. Дж. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене в ФРГ (Центр Маршалла), другой – лишь курсы Центра Маршалла.

Подавляющее большинство грузинских послов обучались в грузинских вузах. Первое высшее образование за рубежом получили пять человек, из них двое иностранцев, получивших гражданство Грузии в зрелом возрасте. Один дипломат после окончания Тбилисской духовной семинарии окончил Университет имени Аристотеля в Салониках по направлению «византийская философия и теология». Двое послов ещё в советский период окончили МГИМО, один из них защитил там же кандидатскую диссертацию по экономическим наукам, другой – продолжил обучение на Западе. Два человека, проучившись в ТГУ 1–2 года, получили дипломы западных вузов в области политологии и международных отношений. Ещё один человек первые три курса учился в МФТИ, однако окончил физический факультет ТГУ.

Из 74 послов, получивших дипломы о первом высшем образовании в Грузии, ТГУ окончили 47 человек (64%). Из них наибольшее количество – по 7 человек – окончили юридический факультет (и ещё двое получили там второе высшее образование) и факультет востоковедения.

Таблица 2

Первое высшее образование заместителей главы МИД и руководителей дипломатических представительствГрузии

Наименование должности	В Грузии	На Западе	В России (СССР)
Заместители главы МИД	13	1	1-РУДН
Послы	74	5	2-МГИМО
ИТОГО	87	6	3

[11]Здесь и далее к западным вузам отнесены также и японские университеты.

В ТГУ образование в области юриспруденции, международного права, международных отношений, международных экономических отношений и частично экономики грузинские высшие дипломаты получали в основном в постсоветский период, в то время как по другим направлениям обучались преимущественно в советское время, приобретая более разноплановую подготовку. В советский период подготовка специалистов по направлениям «международные отношения», «международное право» и «международные экономические отношения» в ТГУ не велась, а выпускники юридического факультета, количество которых было меньше, чем сейчас примерно в 15–20 раз, делали карьеру в основном в правоохранительных органах, судебных учреждениях и в других организациях, непосредственно связанных с юриспруденцией. Массовый их приход во все сферы власти начался со второй половины 1990-х годов.

Имевшийся в ТГУ факультет востоковедения – одно из немногих востоковедческих учреждений в СССР (помимо МГИМО, ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова и некоторых других вузов), в котором готовили специалистов в области арабистики, иранистики, тюркологии, арменологии (а также по таким направлениям Древнего Востока, как ассирология и семитология). Он фактически выполнял роль отделения регионоведения в системе подготовки международников. Наиболее близким к современной специальности «международные отношения» (точнее – «международные экономические отношения») в ТГУ в советский период считалось направление «экономическая география зарубежных стран». С 1960-х годов кафедра экономической географии зарубежных стран ТГУ стала готовить специалистов для работы за рубежом, в основном в торговых представительствах Советского Союза. Сегодня выпускники факультетов востоковедения и географии ТГУ занимают значительную долю в высшем звене дипломатического корпуса Грузии. Однако все они получали образование еще в советский период. Прежде выпускники ТГУ – востоковеды и географы – имели более основательную подготовку, чем нынешние студенты того же вуза в области и международных отношений и международных экономических отношений.

Из шестерых послов-«географов» пятеро защитили в советский период кандидатские диссертации, в том числе двое в ведущих научных центрах СССР – ИМЭМО АН СССР и на географическом факультете МГУ. Из указанных шести человек лишь один учился и осуществлял научную деятельность в Грузии, трое обучались либо проходили длительную научную стажировку в западных университетах.

Отцом-основателем науки о международных отношениях в Грузии, создателем и первым (в 1991–1996 годах) заведующим кафедрой международных отношений ТГУ также являлся известный в советский период востоковед и географ (получил учёную степень кандидата географических наук ТГУ) Александр Рондели. Ещё в 1970-х годах он проходил стажировку в Лондонской школе экономики и политических наук, а после распада СССР преподавал в нескольких американских университетах. В 1997–2001 годах он руководил Центром политики и анализа МИД Грузии, а впоследствии благодаря финансовой помощи западных организаций создал влиятельный Грузинский фонд стратегических и международных исследований[12].

[12]Коснувшись фигуры А. Рондели, трудно пройти мимо того, чтобы хотя бы вкратце не охарактеризовать его позицию по российско-грузинским отношениям. Коротко говоря, А. Рондели считал, что Россия намеревается «захватить Грузию» и действует в отношении бывших республик СССР «как с колониями» и т.д. См. Александр Рондели о ситуации на Южном Кавказе // http://www.szona.org/aleksandr-rondeli-o-situatsii-na-yuzhnom-kavkaze/, 25.03.2015, [Rondeli 2014a: 3], продолжает действовать как «нео-империя» [Rondeli 2014b] (RondeliAlexander. The Russian-Georgian war and its implications for Georgia's state building // The Making of Modern Georgia, 1918–2012: The First Georgian Republic and its Successors. Ed. byStephenF. Jones. – N.Y., Routledge, 2014. Pp. 35–48.)

Из числа послов-«востоковедов» выдающимся географом считается руководитель миссии в Великобритании Реваз Гачечиладзе[13] (после окончания востфака ТГУ он окончил аспирантуру кафедры экономической географии, защитив кандидатскую и докторские диссертации в советский период), двое других окончили аспирантуру Института востоковедения АН Грузии. Один из них обучался в аспирантуре Папского восточного института в Риме, а другой после защиты кандидатской диссертации в ТГУ учился в докторантуре Института востоковедения АН СССР (без защиты диссертации).

По девять человек окончили ГПИ/ГТУ и Тбилисский педагогический институт иностранных языков им. И. Чавчавадзе (ТПИИЯ, с 1992 г. – Тбилисский государственный университет языка и культуры им. И. Чавчавадзе ТГУЯиК, соответственно, восемь и один человек). Выпускники ГПИ получали неплохое по советским меркам техническое образование. Двое из упомянутых защитили диссертации по техническим наукам за пределами Грузии. Нынешний посол в Австрии, при ОБСЕ и других международных организациях в Вене в 1987 г. получил учёную степень в Дрезденском техническом университете ГДР, а в 1989–1990 годах продолжил научную деятельность в качестве исследователя в ФРГ в Университете Эрлангена-Нюрбернга. В 1995–1998 годах он являлся министром торговли и внешнеэкономических связей, а в 1998–2005 годах – постпредом при Евросоюзе, а после послом в странах Бенилюкса, пройдя путь от учёного-инженера до министра за пять лет, а до посла – за восемь. Другой выпускник ГПИ, Александр Ломая, ставший одним из ключевых лиц команды М. Саакашвили (министр образования, секретарь Совета национальной безопасности, постпред при ООН), в 1992 г. защитил кандидатскую диссертацию в области технических наук в Московском инженерно-строительном институте.

ТПИИЯ, готовивший педагогов и переводчиков по западноевропейским языкам, по престижу и подготовке студентов существенно уступал факультету романо-германской филологии ТГУ, однако в условиях большой привлекательности изучения западных языков, возможности продолжения карьеры в организациях, имеющих связи с иностранцами и ограниченных альтернатив, пользовался популярностью. Один из послов окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию в МГПИИЯ им. М. Тореза, ещё один – Дипломатическую академию МИД СССР, после чего был командирован в Министерство сельского хозяйство Алжира техническим ассистентом и переводчиком. Трое прошли обучение или стажировки в известных западных учебных заведениях, четверо начали работать в МИД Грузии ещё в советский период.

Три человека имеют дипломы Грузинского сельскохозяйственного института/Грузинской государственной аграрной академии, два человека окончили Тбилисский государственный медицинский институт

[13]Следует отметить, что ещё в бытность послом в Израиле в 2003 г. Р. Гачечиладзе заявлял, что с детства мечтал о карьере дипломата, однако не мог исполнить свою мечту, поскольку «для грузина это было недостижимой целью, ведь "пятый пункт" существовал не только для евреев, но и для других "нацменов" (представителей национальных меньшинств). Ребятам из союзных республик попасть в МГИМО было невозможно» (Реваз Гачечиладзе: Тель-Авив – прекрасен, но Тбилиси – лучше // http://www.peoples.ru/state/ambassador/gachechiladze/). Не касаясь вопроса дискриминации при поступлении в МГИМО либо в МИД СССР, необходимо подчеркнуть, что как раз в отношении грузин эта дискриминация либо отсутствовала, либо была минимальна и практически незаметна, что подтверждает немалое количество дипломатов грузинского происхождения на высоких постах в системе МИД СССР и даже МИД России (лишь в 2010–2015 годах российскими послами являлись/являются 8 грузин, большинство из которых окончили МГИМО: Н.К. Тавдумадзе – посол в Республике Парагвай; М.М. Мгеладзе – в Мьянме, Г.В. Тодуа – в Бурунди, В.И. Чхиквишвили – в Греции, А.В. Брегадзе – в Гвинее, А.А. Карчава – в Шри-Ланке, Т.О. Рамишвили – в 2007–2012 годах посол в Дании, ныне – директор Департамента лингвистического обеспечения МИД России, В.В. Чхиквадзе – в 2008–2013 годах посол в Литве).

(оба – кандидаты наук, а один из них также прошёл также обучение в Великобритании и США в области экономики здравоохранения), один – Тбилисскую академию художеств, а трое – негосударственные вузы, из которых два – крайне низкого уровня по меркам Грузии, а еще один – Тбилисский институт Азии и Африки (ТИАиА), существенно уступавший по престижу и научной подготовке востфаку ТГУ, однако далее продолжил образование в Институте востоковедения АН Грузии.

12 послов, получивших первое высшее образование в Грузии, в советский период продолжили послевузовское образование в московских вузах и научных учреждениях (все начинали обучение в СССР, один окончил аспирантуру после распада Советского Союза). В то же время 43 человека получили послевузовское образование и/или прошли стажировки сроком один год и более в западных странах, ещё двое работали в западных организациях. Многие из них обучались или стажировались за границей благодаря иностранным стипендиям, которые активно используются западными странами для укрепления лояльности местных элит

Таблица 3

Вузы Грузии, в которых получили первое высшее образование замглавы МИД и послы Грузии

Наименование вуза	Заместители министра	Послы
1. ТГУ, в т. ч.	9	47
1.1. Юриспруденция	1	7
1.2. Востоковедение		7
1.3. Экономическая география зарубежных стран	1	6
1.4. Филология, в т. ч.	1	6
1.4.1. Английский язык		2
1.4.2. Грузинский язык		2
1.4.3. Русский язык (один и тот же человек)	1	1
1.4.4. Классическая филология		1
1.5. Международное право или международные отношения	4	5
1.6. Естественные науки(3 - физика, 1 - биология)		4
1.7. История	1	4
1.8. Экономика	1	3
1.9. Международные экономические отношения		2
1.10. Журналистика		2
1.11. Философия		1
2. Груз. политех. ин-т/тех. ун-т, в т. ч.	3	9
2.1. Технические науки	2	7
2.2. Экономика и управление		2
2.3. Юриспруденция	1	
3. Гос. эк. вуз (присоединился к ТГУ)	1	0
4. Тб. гос. пед. иняз/Ун-т ин. яз.		9
5. Тб. гос. мед.ин-т		2
6. Груз. гос. сельхоз. ин-т/акад.		3
7. Тб. академия художеств		1
8. Тб. ин-т Азии и Африки (негос. вуз)		1
9. Очень слабые негос. вузы (экономика)		2
ИТОГО	13	74

[Kramer 2009; Spilimbergo 2009: 3; Tsvetkova 2008; O'Mara 2012].

Два человека имеют докторские степени – Оксфордского университета (международные отношения) и Национального университета Иокогамы (международное право). Будущие грузинские послы, помимо учебных заведений НАТО, военных вузов или учреждений в области безопасности, обучались или проходили научные стажировки в США (15 человек), в Великобритании (11), в ФРГ (6), во Франции (5), в Голландии, Бельгии и Испании (по 3) и в других странах[14].

Особо следует выделить обучение высокопоставленных дипломатов по образовательным программам в области безопасности. В частности, семь послов окончили курсы Центра Маршалла, по два человека – Колледж обороны НАТО в Риме, Королевский колледж обороны в Лондоне и Женевский центр политики безопасности (всего девять человек; один и тот же дипломат мог обучаться в нескольких учебных заведениях). Один посол обучался в непоименованных «школах НАТО» (ныне работает в Национальном университете обороны США). Ещё один посол в 2000–2002 годах являлся «стипендиатом НАТО в Брюсселе», став впоследствии постпредом при Североатлантическом альянсе и послом в Японии.

Изложенные характеристики высшего звена дипкорпуса Грузии укладываются в нынешнюю модель властной элиты страны, значительная часть которой получила образование за рубежом и имеет опыт работы в западных организациях либо их филиалах, в то время как в России получение такого образования представителями политической и дипломатической элиты остается большой редкостью [Мосаки 2015].

Немалая часть грузинского дипломатического истеблишмента имеет учёные степени. Большинство получило их в связи с реальной научной работой, в том числе ещё в советский период – в известных ву-

Таблица 4
Опыт обучения в России

Образование в Грузии	Образование в России	Программа	Учёная степень
ТГУ, биология	ВАВТ	Переподготовка	–
ТГУ, география	ИМЭМО АН СССР	Аспирантура	Кандидат наук
ТГУ, география	МГУ, географический факультет	Аспирантура	Кандидат наук
ТПИИЯ	МГПИИЯ им. М.Тореза	Аспирантура	Кандидат наук
ТПИИЯ	Дипломатическая академия МИД СССР	Переподготовка	–
ТГУ, юриспруденция	Институт законодательства и сравнительного правоведения (ныне – при Правительстве РФ)	Аспирантура	Кандидат наук
ТГУ, журналистика	МГУ, факультет журналистики	Аспирантура	Кандидат наук
ГСХИ	Институт биохимии им. А.Н.Баха АН СССР	Аспирантура	Кандидат наук
ТГУ, экономика	Институт труда и социальных отношений (ВЦСПС)	Аспирантура	Сведений нет
ТГУ, история	Институт Африки АН СССР	Аспирантура	Сведений нет
ТГУ, востоковедение, кандидат наук	Институт востоковедения АН СССР (не окончил)	Докторантура	–
ГПИ, гидротехника	Московский инженерно-строительный институт	Аспирантура	Кандидат наук

[14]При обучении или научной стажировке в разных странах, учёт происходил в составе соответствующих стран. Однако каждая страна учитывалась один раз (даже при наличии двух и более дипломов какой-либо страны).

зах или в системе Академии наук СССР. Из 15 заместителей министра учёные степени имеют четверо. Из них трое вели активную научную деятельность перед поступлением на государственную службу, обучаясь в очной аспирантуре или докторантуре. Т. Беручашвили получила учёную степень по экономике в ТГУ, будучи уже в должности заместителя министра иностранных дел.

Из 81 посла 29 окончили аспирантуру (докторантуру), из них 23 защитили диссертации, в том числе двое в западных странах и один в ГДР. Восемь будущих послов в советский период учились в аспирантурах и один в докторантуре в Москве. Двенадцать человек получили учёные степени в Грузии, в том числе девять человек в ТГУ, двое – в медицинском институте и один – в Институте физике АН Грузии.

Значительная часть высшего дипломатического состава вскоре после защиты диссертации прекратила занятия наукой. Однако среди грузинских послов несколько человек остаются активно действующими учёными, имеющими публикации в международных рецензируемых журналах (это касается посла в Токио, известного физика Л. Н. Цинцадзе, ранее работавшего в научных учреждениях Европы и Японии).

Приведённый выше анализ позволяет сформулировать предположения о будущих тенденциях в эволюции образовательных характеристик грузинских дипломатов.

1. Естественным путём уменьшится доля лиц, прошедших обучение в российских вузах. В рассматриваемый период таких было 15 человек (3 получили первое высшее образование, 12 – послевузовское). По состоянию на 5 сентября 2015 г. их осталось 8, шестеро из них родились в 1950-х годах, еще двое – до 1965 года, их средний возраст по состоянию на 2015 год – 58 лет.

2. Доля лиц с западным образованием вряд ли будет опускаться ниже трети, по-видимому колеблясь между 40 и 70%. С учётом внешнеполитической ориентации страны, высокой будет оставаться процент тех, кто прошел обучение в учебных заведениях НАТО. Несмотря на то что армия страны включена в систему Североатлантического альянса в области подготовки кадров, это взаимодействие носит ограниченный характер. Основные контакты с НАТО строятся по дипломатической линии.

3. Доля выпускников ТГУ среди высокопоставленных дипломатов в целом сохранится на уровне 55–60%. Однако изменится их специализация. Судя по всему, увеличится количество юристов и специалистов по международным отношениям, возможно, экономистов и экономистов-международников и, соответственно, уменьшится – востоковедов и географов.

4. Может уменьшиться доля выпускников ГПИ/ГТУ как следствие резкого падения уровня технического образования, а также маргинализации прослойки инженеров в Грузии. Уровень же образования на открытых после распада СССР гуманитарных и экономических специальностях ГТУ не выдерживает конкуренции с ТГУ и другими вузами.

5. Среди вузов, дипломы которых будет иметь будущая дипломатическая элита, по-видимому, появятся созданный Кахой Бендукидзе престижный Свободный университет, считающийся в современной Грузии оплотом либерализма, а также Государственный университет Ильи [Чавчавадзе], созданный на базе Тбилисского педагогического института иностранных языков им. И. Чавчавадзе, находящийся под сильным влиянием сторонников М. Саакашвили. Отношение руководителей, преподавателей и студентов этих вузов к России наиболее критическое.

4

Начальной точкой формирования нынешней дипломатической службы Грузии выступает не 1992 год, а приход к власти М. Саакашвили. С этого времени МИД страны резко порвал с прежде устоявшимися практиками и отказался от старых традиций набора кадров. Ставка была сделана на назначение молодых и, соответственно, не связанных советским опытом работников, прошедших обучение на Запа-

де либо имеющих опыт работы в западных или прозападных организациях[15].

Значительную роль в выработке новых принципов формирования кадрового состава сыграла французский дипломат грузинского происхождения Саломэ Зурабишвили, назначенная министром иностранных дел вскоре после прихода М. Саакашвили к власти. Она начала масштабный процесс избавления от «клана неокоммунистов» и вестернизации МИД Грузии, а также выстраивания жёсткой вертикали в своем ведомстве[16], чего раньше в грузинской дипломатии, являвшейся ареной противоборства различных сил, не наблюдалось.

Формирование дипломатического корпуса при М. Саакашвили отчасти напоминает ситуацию в дипломатической службе России после 1917 года. Тогда серьёзный дефицит кадров вынудил новые власти привлечь на работу способных людей из других областей, заслуживших доверие с партийно-идеологической точки зрения. При этом «классовый принцип стал главным параметром при отборе и направлении на работу в аппарат внешнеполитического ведомства» [Торкунов 2002]. М. Саакашвили, понимая важность формирования дипломатического корпуса, способного обеспечивать проведение выбранного политическим руководством курса на международной арене, определил новые принципы для привлечения на службу и/или ускоренного продвижения по карьерной иерархии в МИД, являющегося важнейшим механизмом на пути сближения с евроатлантическими структурами.

Между тем даже в случае наличия формальных профессиональных характеристик грузинскими властями порой игнорировались особенности конкретных направлений при подборе дипломатического состава. Например, ряд грузинских обозревателей отмечали, что на важные посты назначаются лица без учёта местных особенностей. Примечательный пример: когда после войны в Южной Осетии на слушаниях в сенате Бельгии постпред России при ЕС В. А. Чижов доходчиво на французском языке объяснял бельгийским парламентариям российскую позицию, в то время как страстно выступившего после него грузинского посла в Бельгии и постпреда в ЕС Саломэ Самадашвили не поняли 80% сенаторов – она говорила на английском языке.

Коалиция «Грузинская мечта», пришедшая к власти на волне непримиримой критики ЕНД, сохранила установки, заданные М. Саакашвили – С. Зурабишвили. Смена руководства в Грузии, воспринимавшаяся некоторыми наблюдателями как пролог к изменению внешнеполитического курса, не отразилась на качественных характеристиках высшего дипломатического состава Грузии. Это обстоятельство подкрепляет тезис о взаимосвязи прихода к власти новых политических сил с решением внутриполитических задач, которое не затрагивает фундаментальные вопросы ориентации страны на международной арене.

В период президентства М. Саакашвили правящей партией во внутриполитической борьбе стал активно использоваться государственный аппарат, в том числе и дипломатические представительства за рубежом, которые нацеливались на дискредитацию политических противников ЕНД. Эту установку подмечала не только грузинская пресса, но и международные организации, например *Transparency International*[17]. По-

[15]Этот принцип подбора кадров был перенесён Михаилом Саакашвили на формирование органов власти в Одесской области после назначения его губернатором. Он особо подчёркивал преимущества назначения «очень молодых людей без предварительного опыта на государственной службе» (цитата из поста М. Саакашвили в социальной сети Facebook, 10.09.2015 в 19:42), настроенных прозападно.

[16]См., например, интервьюС.Зурабишвили: Sauver la Révolution des Roses! // Politique Internationale – La Revue n°111 – PRINTEMPS – 2006. http://www.politiqueinternationale.com/revue/read.php?id_revue=26&id=476&content=texte.

[17]Kartuli dip'lomat'ia mmartveli p'art'iis samsakhurshi [Грузинская дипломатия на службе управящей партии] // http://www.transparency.ge/blog/kartuli-diplomatia-mmartveli-partiis-samsakhurshi, 27.07.2012. Georgian Diplomacy servicing the ruling party // http://www.transparency.ge/en/blog/georgian-diplomacy-servicing-ruling-party, 27.07.2012.

добные действия продолжали наблюдаться со стороны части дипломатического корпуса и после победы ГМ на парламентских выборах 2012 г. пока президентом оставался М. Саакашвили (несмотря на то что он сохранял лишь символические властные полномочия)[18]. Грузинские официальные представители стремились сформировать в западных странах убеждение, что сохранение властных позиций ЕНД выступает гарантией от поворота Тбилиси в сторону России[19].

На деле политические оппоненты партии Саакашвили, даже учитывая появившуюся сдержанность во внешнеполитических выступлениях, всячески подчёркивали свою приверженность прозападному курсу. В некоторых случаях они выступали с обвинениями М. Саакашвили в неспособности обеспечить полноценную интеграцию в евроатлантические структуры, что, по мнению лидеров ГМ, способна сделать лишь эта коалиция.

5

Наглядную иллюстрацию различий личностных характеристик грузинских и российских дипломатов дают биографии постоянных представителей России и Грузии при ЕС: ввиду важности данного направления для обеих стран соответствующие кандидатуры проходят тщательную проверку.

В.А. Чижов (родившийся в 1953 году) поступил на работу в МИД СССР после окончания МГИМО в 1976 году. Проработав на различных должностях в посольствах и центральном аппарате МИД, прошёл все ступени дипломатической иерархии вплоть до заместителя министра иностранных дел, а в 2005 г. был назначен постоянным представителем России при Европейских сообществах (с 2010 году – при ЕС)[20]. К моменту назначения В.А. Чижова постпредом в Брюссель за его плечами был почти 30-летний стаж дипломатической службы, включая выполнение миссий в конфликтных точках. Подобная биография в целом характерна для российских дипломатов высшего звена.

Напротив, С. Самадашвили (1976 г.р.), проучившись 2 года на юридическом факультете ТГУ, благодаря стипендии Конгресса США продолжила обучение в одном из наиболее дорогих в США Аллегейни-колледже (Alegheny College, шт. Пенсильвания). В 1997 г. она получила диплом бакалавра политологии, после чего стала обладателем стипендии им. Герберта Сколвилла-младшего для работы в Центре им. Дж. Мартина при Вашингтонском бюро Монтерейского института международных исследований. В 1999 г. окончила магистратуру по сравнительному конституционному праву в Центрально-Европейском университете, а в 2001 г. – магистратуру в области государственного управления в Американском университете в Вашингтоне.

В 2002–2004 годах она работала в представительствах Национального демократического института в Грузии и Киргизии по направлению развития парламентских программ. В 2003 г. была избрана в парламент Грузии, став заместителем председателя комитета по иностранным делам, в октябре 2005 г. была назначена постоянным представителем Грузии в ЕС и послом в Бельгии и Люксембурге. Таким об-

[17]kartuli dip'lomat'ia mmartveli p'art'iis samsakhurshi [Грузинская дипломатия на службе управящей партии] // http://www.transparency.ge/blog/kartuli-diplomatia-mmartveli-partiis-samsakhurshi, 27.07.2012. Georgian Diplomacy servicing the ruling party // http://www.transparency.ge/en/blog/georgian-diplomacy-servicing-ruling-party, 27.07.2012.

[18]Так, в ноябре 2012 г. послы Грузии в ЕС и НАТО С. Самадашвили и Г. Мгалоблишвили под различными предлогами отказались встречать посетившего с рабочим визитом Брюссель незадолго до этого избранного премьер-министром Грузии Б. Иванишвили.

[19]Следует отметить, что после «революции роз» руководство Грузии прозападные реформы и риторику, зачастую не понимая суть западных институтов или имея заведомо ложные представления о них, активно использовало именно для укрепления своей власти [Dobbins 2014].

[20]Подр. см. биографию В.А. Чижова на сайте Постоянного представительства России при ЕС: http://www.russianmission.eu/ru/biografiya.

разом, после получения степени магистра С. Самадашвили дослужилась до должности посла всего за 4 года. После отзыва с должности в 2013 г. она стала приглашённым исследователем в созданном в 2007 г. Центре европейских исследований им. Вилфрида Мартенса в Брюсселе, который функционирует под эгидой правоцентристской Европейской народной партии, тесно сотрудничающей с ЕНД.

Примечательно, что назначенная на ее место Н. Сабанадзе (1975 г.р.) следовала схожим карьерным путем. Проучившись один год в ТГУ, она стала слушателем в престижных американских Свартмор Колледже (Swarthmore College, 1994–1995) и Колледже Маунт-Холиок (Mount Holyoke College, 1995–1997). Получив степень бакалавра, в 1998–1999 годах она продолжила изучать международные отношения в магистратуре Лондонской школы экономики и политических наук. В 2000–2005 годах обучалась в докторантуре Оксфордского университета. Имеет опыт работы в посольстве США в Грузии, исследователем в Оксфордском университете, Европейском центре по вопросам меньшинств в Фленсбурге (создан в 1996 г. правительствами Дании, ФРГ и федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн), в Университете Деусто (Испания), старшим советником Верховного комиссара ОБСЕ по вопросам национальных меньшинств в Гааге.

Представленные досье свидетельствуют, что грузинские дипломаты имеют принципиально иные характеристики по сравнению с их российскими коллегам: *обучение в дорогостоящих американских колледжах, продолжение учёбы в магистратуре/докторантуре на Западе и работа в западных организациях, почти полное отсутствие опыта работы в Грузии, в том числе и на дипломатическом поприще*. После отставки бывшие грузинские высокопоставленные дипломаты нередко продолжают работу в различных западных учреждениях.

Некоторые бывшие дипломаты (например, бывший посол в США Т. Якобашвили) сотрудничают с влиятельным Грузинским фондом стратегических и международных исследований, в котором работали или с которыми тесно взаимодействовали лица, назначенные послами уже правительством ГМ (например, посол в США А. Гегешидзе[21], посол в Великобритании Р. Гачечиладзе, являвшийся послом и в периоды правления Э. Шеварднадзе и М. Саакашвили). Ещё несколько бывших глав загранпредставительств преподают в тбилисском Черноморском университете, созданном матерью М. Саакашвили.

* * *

Проведенный эмпирический анализ свидетельствует, что в 2000-х годах ориентация Грузии на интеграцию в евроатлантические структуры получила институциональное закрепление в логике рекрутирования внешнеполитической элиты. С 2004 г. произошло почти полное обновление дипломатического корпуса за счет лиц, для которых США и Западная Европа выступают источником образовательного и профессионального опыта [Jones, Kakhishvili 2013: 24].

Сегодня дипломатическую службу Грузии уже можно считать в целом сформированной, закончился период её становления. Исследования персональных, карьерных и образовательных особенностей руководителей внешнеполитических ведомств и глав представительств за рубежом выявляет отсутствие сходств по заданным критериям сравнения грузинских и российских высокопоставленных дипломатов – возраст, гендерные доли, карьерный путь, образование. *По всем этим характеристикам грузинская дипломатическая элита выступает полной противоположностью российской*. При этом ее эволюция, по нашим оценкам, в целом соответствует тенденциям трансформации дипломатических

[21]Упомянутый А. Гегешидзе ещё в период правления Э. Шеварднадзе, являясь советником президента Грузии по внешнеполитическим вопросам, наряду с другими членами ближайшего окружения главы Грузии, беспрестанно утверждал о наличии «неоимпериалистической угрозы с севера», формируя негативное отношение грузинского общества к России [Гушер 2000: 12].

служб в странах Центральной и Восточной Европы [Digol 2012].

Грузинские дипломаты в среднем значительно моложе их российских коллег. В МИДе Грузии гораздо проще сделать стремительную дипломатическую карьеру. На дипломатической службе (в том числе на высших должностях) велика доля женщин. В известном смысле увеличение доли женщин в национальном дипкорпусе выступало одним из способов смены старой модели дипломатической элиты в новых независимых государствах после распада Советского Союза [см., например: Digol 2007].

В России дипломатическая работа близка военной службе, для которой характерны высокий уровень профессионализации (в том числе благодаря специализированному образованию) и длинный период выслуги. Среди грузинских дипломатов практически уже нет лиц с советским прошлым, а имеющие его, как правило, «проходили переквалификацию» на Западе. Большинство же имеет западное образование и опыт работы за границей.

Отличная от российской ментальная ориентация грузинской властной (в том числе дипломатической) элиты делает трудноразрешимыми противоречия в двусторонних отношениях. Существующие различия приобретают, в сущности, форму мировоззренческого противостояния. Прозападная идентичность грузинской элиты играет определяющую роль во внешнеполитической стратегии страны, в связи с чем при ее формулировании редко используются реалистские категории (такие, как национальные интересы, прагматизм, баланс сил) [Kakachia 2013: 43; Kakachia, Minesashvili 2015; Gvalia et al. 2013]. Ориентация грузинской элиты на США и ЕС оказывается не просто внешнеполитическим курсом, имеющим целью построение институтов, аналогичных западным. В постсоветских международно-политических реалиях она стала открыто антироссийским феноменом и декларируется руководством Грузии в качестве жизненно важной цели и необходимости для существования грузинской государственности.

Смена власти в Грузии мало изменила характерные черты грузинской дипломатической службы. В этом кроется одна из причин «фундаментального единства в вопросах внешней политики» внутри грузинской элиты [Gvalia et al. 2013: 124]. Вместе с тем несколько изменился стиль работы грузинской дипломатии. Отмечая бессмысленность «восторженной прозападной риторики», присущей властям периода Саакашвили, новые власти, тем не менее, продолжили консолидацию внешнеполитических постулатов, заложенные в период правления ЕНД.

Список литературы

Ашин Г.К. Формирование дипломатической элиты // Космополис. 2002. № 2. С. 125–131.

Гушер А. Россия – Грузия. Утраченное доверие // Азия и Африка сегодня. 2000. № 7. С. 9–15.

Дипломатическая служба: Учебное пособие/ Под редакцией А.В. Торкунова, А.Н.Панова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014.

Зонова Т.В. Гендерный фактор в политике и дипломатии // Международные процессы, 2009. № 2. С. 94–100.

Красноселов А. Так кто потерял Грузию // Международные процессы. 2003. № 1. С. 122–125.

Кремнев П.П. К вопросу о самостоятельности советских союзных республик в международных отношениях // Конституционное и муниципальное право.2009. N 9. С. 31–38.

Лазоркина О. Становление и развитие дипломатической службы Беларуси // Журнал международного права и международных отношений [Минск]. 2014. № 1. С. 27–32.

Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А. А. Байкова. – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. 448 с.

Мосаки Н. Образовательный бэкграунд властной элиты Грузии и российско-грузинские отношения // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9. С. 93–104.

Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2010.

Торкунов А.В. Дипломатическая служба. – М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2002.

Aspaturian V. The Union Republics and Soviet Diplomacy: Concepts, Institutions, and Practices // The American Political Science Review. Vol. 53. No. 2 (Jun., 1959). С. 383–411.

Cornell S.E. Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus. – L., N.Y.: Routledge, 2001. 490 с.

Digol D. Emerging Diplomatic Elites in Post–Communist Europe. Thesis submitted for assessment with a view to obtaining the degree of Doctor of Political and Social Sciences of the European University Institute. Florence, March 2007. P. 175. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/6941/2007_03_Digol.pdf?sequence=1.

Digol D. Transformation of Diplomatic Elites in Post–Communist Societies // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. Vol. 37. No. 2 (140). Political and Functional Elites in Post–Socialist Transformation: Central and East Europe since 1989/90 (2012). С. 91–107.

Dobbins M. The Post–Rose Revolution Reforms as a Case of Misguided Policy Transfer and Accidental Democratisation? // Europe–Asia Studies. Vol. 66. Issue 5. 2014.С. 759–774. DOI: 10.1080/09668136.2014.910941.

Gachechiladze R. Georgia's Geopolitical Landmarks: Is there a shift // Central Asia and the Caucasus, 2005. No. 1 (31) 2005. С. 100–106.

Geissbühler S. Sozialstruktur und Laufbahnmuster der schweizerischen diplomatischen Elite // Swiss Political Science Review. 2002. Vol. 8. No. 1. С. 79–92. DOI: 10.1002/j.1662–6370.2002.tb00335.x

Gvalia G. rogor ircheven p'at'ara kveqnebi st'rat'egiul mok'avshireebs? dabalansebis da mit'masnebis st'rat'egiebi samkhret k'avk'asiis regionshi. [გვალიაგ. როგორირჩევენპატარაქვეყნებისტრატეგიულმოკავშირეებს? დაბალანსებისდამიტმასნებისსტრატეგიებისამხრეთკავკასიისრეგიონში. [Нагруз. яз.] [Гвалия Г. Как выбирают малые страны стратегических союзников? Стратегии балансирования и примазывания в регионе Южного Кавказа.] Дисс. на соискание учёной степени академического д–ра полит. наук. ГосударственныйуниверситетИльи. 2013.

Gvalia G., Siroky D., Lebanidze B., andlashvili Z. Thinking Outsidethe Bloc: Explaining the Foreign Policy of Small States // Security Studies. 2013.22:1. С. 98–131.

Gvimradze G. Behind the Ukrainian crisis. GFSIS. № 20. 2014. 10 с.

Jones St. The Role of Cultural Paradigms in Georgian Foreign Policy /Ideology and National Identity in Post–Communist Foreign Policies// Подред. Rick F:London, 2004, Frank Cass Publishers.С. 83–110.

Jones St. and Kakhishvili L. The Interregnum: Georgian Foreign Policy from Independence to the RoseRevolution // Georgian Foreign Policy: The Quest for Sustainable Security / Подред. Kakachia K., Cecire M.: Tbilisi, 2013, Konrad–Adenauer–Stiftung. С. 13–40.

Kakachia K. European, Asian, or Eurasian?: Georgian identity and the struggle for Euro–Atlantic integration // Georgian Foreign Policy: The Quest for Sustainable Security / Подред. Kakachia K., Cecire M.: Tbilisi, 2013,Konrad–Adenauer–Stiftung. С. 41–52]

Kakachia K., & Minesashvili S. Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior // Journal of Eurasian Studies (2015). Vol. 6. № 2: 171–180. http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.04.002.

K'ap'anadze S. p'irobitobisa da sotsializatsiis gavlena evrop'uli p'olitik'is mak'oordinirebeli shida inst'it'ut'ebis t'ranspormatsiaze aghmosavlet evrop'isa da sakart'velos evrop'eizatsiis p'rotsesshi.[Нагруз. яз.] [კაპანაძეს.პირობითობისადასოციალიზაციისგავლენაევროპულიპოლითიკისმაკოორდინირებელიშიდა ინსტიტუტებისტრანსფორმაციაზეაღმოსავლეთევროპისადასაქართველოსევროპეიზაციისპროცესში. Капанадзе С. Влияние условности и социализации на трансформацию координационных внутренних институтов европейской политики в процессе европеизации Восточной Европы и Грузии] / Тбилисскийгосударственныйуниверситет. Факультет социальных и политических наук. Дисс... д–ра... по международным отношениям. – Тбилиси, 2009.

Kramer P. Isthe World Our Campus? International Students and U.S. Global Power in the Long Twentieth century //Diplomatic History. 2009.Vol. 33.No. 5. С. 775–806. DOI: 10.1111/j.1467–7709.2009.00829.x

O'Mara M. The Uses of the Foreign Student // Social Sciences History. 2012.Vol. 36. No. 4. С. 583–615. DOI: 10.1215/01455532–1717181

P'op'ianevsk'i I. qirimisstsenarisgameoreba? rusetisaneksiurip'olit'ik'aapkhazetsadasamkhretosetshidamis ishedegebi. [Нагруз. яз.] [პოპიანევსკიი. ყირიმისსცენარისგამეორება? რუსეთისანექსიურიპოლიტიკააფხაზეთსადასამხრეთოსეთშიდამისიშედეგები. Попианевски И. Повторение крымского сценария. Российская политика аннексии в Абхазии и Южной Осетиии её итоги.] GFSIS. № 40. 2015.

Rondeli A. The choice of independent Georgia // The security of the Caspian Sea Region. Подред. Chufrin G.: Oxford: Oxford University Press, 2001.С. 195–211.

Rondeli A. 2014a. Moscow's information campaign and Georgia / Georgian Foundation for Strategic and International Studies. Expert Opinion No. 29. 11 с.

Rondeli A. 2014b. The Russian–Georgian war and its implications for Georgia's state building. // The Making of Modern Georgia, 1918–2012: The First Georgian Republic and its Successors / Под ред. Jones St. F.: N.Y., Routledge. С. 35–48.

Spilimbergo A. Democracy and Foreign Education // The American Economic Review. 2009. Vol. 99. No. 1. C. 528–543.DOI: 10.1257/aer.99.1.528

Tsintsadze I. sakartvelo–ruseti: p'ersp'ekt'iva realobis ponze. [ცინცაძეი. საქართველო-რუსეთი: პერსპექტივარეალობისფონზე. [Нагруз. яз.] И. Цинцадзе. Грузия – Россия: перспективанафонереальности] // Report [Russian Research institute of George Kennan, Georgian–American University [Tbilisi]], #01, 2012, 5–11. [нагруз. яз.]

Tsvetkova N. International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction // Comparative Education Review. 2008. Vol. 52. No. 2. C. 199–217. DOI: 10.1086/528762

Wright A. For the Record: Breaking Through Diplomacy's Glass Ceiling //Foreign Service Journal.No. 10 (Oct. 05). C. 53–62. URL: http://www.afsa.org/fsj/oct05/wright.pdf

GEORGIA'S DIPLOMATIC ELITES

NODAR MOSSAKI

Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031, Russian Federation

Abstract

The article provides a detailed analysis of the biographies of the Georgian diplomatic elite. It considers the educational background, age, gender composition, and career trajectories which are typical for Georgian Deputies Ministers of Foreign Affairs, Ambassadors and Representatives in International Organizations. The failure of M. Saakashvili's party in the 2012 elections did not result in changing patterns of recruitment of Georgian diplomatic staff. A significant number of Georgian top diplomats have been educated in Western Universities in the field of law and international relations. This has contributed to their critical attitude towards Russia and shaped a powerful emotional alignment with the West. The article argues that the Georgian diplomatic corps is largely socialized through particular educational standards and shared ideological views that guarantee a quick promotion in public service. Focus on these attributes in selecting high-ranking diplomats became a conscious choice of the Georgian political leadership since 2004, which was made to institutionalize a specific political agenda. The author concludes that education in Western Universities and practical engagement in the activities of Western NGOs as well as think tanks tend to serve as a critical means to form the anti-Russian attitude among Georgian high-ranked diplomats and politicians and at the same time it facilitates drawing the Georgian elite into the Western orbit of influence. The qualitative analysis of the educational background of Georgian diplomats and their career paths illustrates how much they differ from their Russian counterparts. The author supposes that the fact can to some extent explain the current tensions in Russian-Georgian relations and will pre-determine lingering contradictions and friction between Moscow and Tbilisi, which harms both sides.

Keywords:

Russian-Georgian relations; diplomatic elite of Georgia; ambassadors; foreign policy of Georgia; Ministry of Foreign Affairs of Georgia.

References

AshinG.K. (2012). Formirovanie diplomaticheskoi elity[The formation of the diplomatic elite]. *Kosmopolis*. № 2. P. 125–131.

Aspaturian V.(1959). The Union Republics and Soviet Diplomacy: Concepts, Institutions, and Practices.The *American Political Science Review*. Vol. 53. No. 2: 383–411.

Bogaturov A.D. (ed.) (2010). *Sovremennaya mirovaya politika: Prikladnoi analiz* [Contemporary world politics. Applied Analysis].M.: AspectPress.

Cornell S. E.(2001). *Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus*. L., N.Y.: Routledge. 490 c.

Digol D. (2007). *Emerging Diplomatic Elites in Post-Communist Europe*. Thesis submitted for assessment with a view to obtaining the degree of Doctor of Political and Social Sciences of the European University Institute. Florence, URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/6941/2007_03_Digol.pdf?sequence=1.

Digol D. (2012). Transformation of Diplomatic Elites in Post-Communist Societies. *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. Vol. 37. No. 2 (140).Political and Functional Elites in Post-Socialist Transformation: Central and East Europe since 1989/90. P. 91–107.

Dobbins M.(2014). The Post-Rose Revolution Reforms as a Case of Misguided Policy Transfer and Accidental Democratisation? *Europe-Asia Studies*. Vol. 66. Issue 5: 759–774. DOI: 10.1080/09668136.2014.910941.

Gachechiladze R. (2005). Georgia's Geopolitical Landmarks: Is there a shift. *Central Asia and the Caucasus*. No. 1 (31): 100–106.

Geissbühler S. (2002). Sozialstruktur und Laufbahnmuster der schweizerischen diplomatischen Elite. *Swiss Political Science Review*. Vol. 8. No. 1: 79–92. DOI: 10.1002/j.1662-6370.2002.tb00335.x.

Gusher A.(2000). Rossiya – Gruziya. Utrachennoedovetie [Russia – Georgia. Losttrast]. AziyalAfrikasegodnya. № 7: 9–15.

Gvalia G., Siroky D., Lebanidze B., and Iashvili Z. (2013). Thinking Outside the Bloc: Explaining the Foreign Policy of Small States. *Security Studies*. Vol. 22. No. 1: 98–131.DOI:10.1080/09636412.2013.757463.

Gvalia Giorgi. (2013). *Rogor ircheven p'at'ara kveqnebi st'rat'egiul mok'avshireebs? dabalansebis da mit'masnebis st'rat'egiebi samkhret k'avk'asiis regionshi*. [How to choose a small country strategic allies? Balancing strategy and bandwagoning in South Caucasus] PhD Diss. In political sciences. IliaStateUniversity [Tbilisi].

Gvimradze G. (2014). *Behind the Ukrainian crisis*. GFSIS. № 20. 10 p.

Jones St. (2004). The Role of Cultural Paradigms in Georgian Foreign Policy. In: Rick F. (ed) *Ideology and National Identity in Post-Communist Foreign Policies*. – 1st ed. – L., Frank Cass Publishers: 83–110.

Jones St. and Kakhishvili L. (2013). The Interregnum: Georgian Foreign Policy from Independence to the Rose Revolution. In: Kakachia K., Cecire M. (eds) *Georgian Foreign Policy: The Quest for Sustainable Security*. Tbilisi. Konrad-Adenauer-Stiftung: 13–40.

Kakachia K. (2013). European, Asian, or Eurasian?: Georgian identity and the struggle for Euro-Atlantic integration. In: Kakachia K., Cecire M. (eds) *Georgian Foreign Policy: The Quest for Sustainable Security*. Tbilisi, Konrad-Adenauer-Stiftung: 41–52.

Kakachia, K., & Minesashvili, S. (2015). Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior. *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 6. № 2: 171–180. http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.04.002.

K'ap'anadzeSergi. (2009). *P'irobitobisa da sotsializatsiis gavlena evrop'uli p'olitik'is mak'oordinirebeli shida inst'it'ut'ebis t'ranspormatsiaze aghmosavlet evrop'isa da sakart'velos evrop'eizatsiis p'rotsesshi*.[The impact of conditionality and socialization on the transformation of coordinating domestic institutions of European politics in the process of Europeanization of Eastern Europe and Georgia] / Iv. JavakhishviliTb ilisiStateUniversity. PhDDiss. in International Relations.

Kramer P. (2009). Is the World Our Campus? International Students and U.S. Global Power in the Long Twentieth century. *Diplomatic History*. Vol. 33. № 5: 775–806. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2009.00829.x.

Kremnev P.P. (2009). K voprosu o samostoyatel'nosti sovetskikh soyuznykh respublik v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Autonomy of Soviet Socialist Republics in International Relations]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'moe pravo*. № 9: 31–38.

Krasnoselov A. (2003). Tak kto poteryal Gruziyu [So who lost Georgia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 1. № 1 (1): 122–125.

Lazorkina O. (2014). Stanovlenie i razvitie diplomaticheskoi sluzhby Belarusi [Formation and development of the diplomatic service of Belarus]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Minsk]. № 1: 27–32.

Shakleina T.A., Baykov A.A. (eds.). (2013). *Megatrendy: Osnovnye traektorii evolutsii mirovogo poryadka v XXI veke*. [Megatrends: Major Pathways of the World Order Evolution in the 21st Century]. Moscow: Aspect Press. 448 p.

Mossaki N. (2015). Obrazovatel'nyi bekgraund vlastnoi elity Gruzii i rossiisko-gruzinskie otnosheniya [Educational background of Georgia's power elite and Russia-Georgia relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. № 9: 93–104.

O'Mara M. (2012). The Uses of the Foreign Student. *Social Sciences History*. Vol. 36. №. 4: 583–615. DOI: 10.1215/01455532-1717181.

P'op'ianevsk'il. (2015). *Qirimis stsenaris gameoreba? rusetis aneksiuri p'olit'ik'a apkhazetsa da samkhret osetshi da misi shedegebi*. [Repetition of the Crimean scenario? Russia's policy of annexation in Abkhazia and South Ossetia, and its outcome]. GFSIS. № 40.

Rondeli A. (2001). The choice of independent Georgia. In: Chufrin G. (ed.) *The security of the Caspian Sea Region*. Oxford, Oxford University Press: 195–211.

Rondeli A. (2014a). *Moscow's information campaign and Georgia*. Georgian Foundation for Strategic and International Studies. Expert Opinion No. 29. http://gfsis.org/media/download/library/articles/rondeli/29-rondeli-ENG.pdf.

Rondeli A. (2014b). The Russian-Georgian war and its implications for Georgia's state building. In: Jones St. F. (ed) The *Making of Modern Georgia, 1918-2012: The First Georgian Republic and its Successors*. N.Y., Routledge: 35–48.

Contemporary world politics. Applied AnalysisSpilimbergo A. (2009). Democracy and Foreign Education. *The American Economic Review*. 2009. Vol. 99. №. 1: 528–543.DOI: 10.1257/aer.99.1.528.

TorkunovA.V. (2002). Diplomaticservice. M.: Izdatel'stvo "Politicheskaya entsilopedia".

Torkunov A.V., Panov A.N.(eds) (2014). *Diplomaticheskaya sluzhba: uchebnoe posobie* [Diplomatic service: textbook]. Eds.. M.: Aspect Press.

Tsintsadze I. (2012). sakartvelo-ruseti: p'ersp'ekt'iva realobis ponze. [Georgia – Russia: perspective on the background of reality][In Georgian]. *Report* [Russian Research institute of George Kennan, Georgian-American University [Tbilisi]]. #01: 5–11.

Tsvetkova N. (2008). International Education during the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction. *Comparative Education Review*. 2008, Vol. 52.№ 2: pp. 199–217. DOI: 10.1086/528762.

Wright A. (2005). For the Record: Breaking Through Diplomacy's Glass Ceiling. *Foreign Service Journal*. № 10: 53–62. http://www.afsa.org/fsj/oct05/wright.pdf.

Zonova T. V. (2009) Gendernyi factor v politike I diplomatii [The Gender Factor in World Politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 7. № 2 (20): 94–100.